

М.В.Харкевич

РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МНОГОУРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Ключевые слова: сравнительный регионализм, теория государства, преמודерн, модерн, постмодерн

**Онтология
и эпистемология
международно-
политического
регионализма**

¹ См. Young 1968.

Дезинтеграция одного из полюсов власти в биполярной системе международных отношений привела к реструктурированию всей системы, в том числе и к усилению динамики мировых политических процессов на региональном уровне. В биполярной системе региональный уровень был подчинен глобальному. И хотя, как показал в свое время Оран Янг¹, это подчинение не носило детерминистского характера и на региональном уровне глобальная динамика нередко приобретала самостоятельные черты, развитие системы международных отношений определялось именно на глобальном уровне. Если региональные противоречия входили в прямое столкновение с глобальной динамикой, верх одерживала последняя: США и/или СССР вмешивались в ситуацию, предупреждая выплеск напряжения на глобальный уровень. Практически все кризисы холодной войны — от двух Берлинских кризисов до арабо-израильских столкновений, а также войн во Вьетнаме и Афганистане — свидетельствуют о доминировании глобального уровня.

² Концепция 2013.

³ Haas 2013.

⁴ Nye 2011.

Сложившаяся на сегодняшний день система международных отношений описывается либо как многополярная², либо как неполярная³, либо как вариативная с различной структурой отношений в разных функциональных сферах (однополярность в военно-стратегической сфере, многополярность в политико-экономической сфере и бесполярность в политико-гуманитарной сфере)⁴. Региональная динамика мировой политики уже не занимает подчиненного положения. Возникает резонный вопрос: «если биполярная система исчезла, а ей на смену пришел полицентричный мир, то корректно ли утверждать, что мир распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, „соответствующие“ тому или иному центру международной системы... а значит, нет и не будет общих/глобальных закономерностей, а есть только сочетание мегарегионального и субрегионального уровней взаимодействия?»⁵

⁵ Торкунов, Мальгин (ред.) 2012: 103.

Сама постановка подобного вопроса подчеркивает актуальность региональной проблематики в международных исследованиях. Всплеск интереса к международным регионам начиная с 1990-х годов сразу же

вызвал к жизни ряд онтологических и эпистемологических вопросов, важнейшими из которых являются вопросы о том, что такое международный регион и как его изучать⁶.

⁶ Hettne 2005.

В сфере онтологии основные дебаты разворачиваются между сторонниками территориальной и реляционной трактовки международно-политического региона⁷. В 1950—1970-х годах, на заре регионоведения, международно-политический регион рассматривался главным образом как территориальное явление, которое описывалось через социальную, экономическую, политическую и организационную взаимозависимость географически близких государств⁸. Сегодня доминирует реляционное понимание, в соответствии с которым «регионы суть политические конструкты»⁹, для формирования которых географическая близость государств важна, но не имеет решающего значения. Исследовательская программа недавно возникшего «нового регионализма» предполагает включение в анализ не только государств, но и негосударственных акторов¹⁰, тем самым усложняя концепцию международно-политического региона.

⁷ Varr, Lagendijk 2013.

⁸ Russett, 1969; Bull 1977; Poulantzas 1978.

⁹ Katzenstein 2005: 9.

¹⁰ Hettne, Söderbaum 2002.

Сбалансированное определение региона можно найти в работах Алексея Воскресенского. Согласно Воскресенскому, «международно-политический регион [есть] привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными»¹¹. Данное определение, а также упомянутая выше исследовательская программа «нового регионализма» допускают нестабильность и подвижность региональных границ, их зависимость от коалиционного взаимодействия региональных групп интересов, выступающих от собственного имени или действующих через свои государства.

¹¹ Воскресенский, Стрельцов 2002: 8.

К онтологическим можно также отнести вопрос о формировании международно-политических регионов. Является ли международно-политический регион продуктом целенаправленных усилий государств, или же регионы складываются помимо их воли? В ходе поиска ответа на этот вопрос произошло разделение терминов «регионализм»¹² и «регионализация». Первым термином стали обозначать формальный, институциональный процесс образования региона, связанный с интеграционной политикой государств и идущий сверху вниз; вторым — ненамеренный результат деятельности преимущественно негосударственных акторов, приводящей к все большему социальному, экономическому и культурному единству в региональном масштабе¹³. По мере углубления такой ненамеренной интеграции возникает потребность в ее институционализации, вследствие чего возникает регионализм как формальная, государственная фаза регионализации. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы данные

¹² Песцов 2006; Цыренов 2012.

¹³ Hurrell 1995.

¹⁴ Байков 2010: 65.

термины употреблялись последовательно, а потому их аналитическая ценность относительно невелика¹⁴. Следует также отметить, что термин «регионализм» имел и иное содержание. До 2000-х годов под регионализмом понимали неевропейские интеграционные проекты, поскольку термин «интеграция» был монополизирован ЕС¹⁵.

¹⁵ Байков 2007.

Эпистемологические вопросы в исследованиях международно-политических регионов связаны с их классификацией и сравнением. Критерии классификации зависят и от исследовательских целей, и от параметров выделения международно-политических регионов, то есть от решения онтологических проблем регионоведения.

¹⁶ Воскресенский, Стрельцов 2010.

При сравнении динамических систем могут использоваться показатели их состояния либо на макро-, либо на микроуровне. Сравнительные исследования в области международной интеграции ориентируются преимущественно на макропоказатели, к каковым относятся географические, историко-культурные, геополитические и аналитические параметры международно-политических регионов¹⁶. Наиболее популярным аналитическим параметром служит интеграционная модель ЕС, которая, впрочем, не объясняет развития даже самого Евросоюза¹⁷.

¹⁷ Байков 2007.

Альтернативных моделей сравнения, опирающихся на процессы, протекающие на микроуровне, практически нет. В настоящей статье будет представлена такая модель, строящаяся на допущении о конститутивной зависимости типа регионализма от типа государственности.

¹⁸ Hameiri 2013.

В предлагаемой модели мы отталкиваемся от работ Шахара Хамейри¹⁸, который связывает регионализм с эволюцией государственности и внутригосударственной динамикой конкуренции и сотрудничества групп интересов. Подобный разворот теории регионализма на 180°, на наш взгляд, обладает значительным эвристическим потенциалом, вписывая логику формирования и трансформации регионов в более широкий контекст процессов территориального структурирования и масштабирования власти, протекающих на фундаментальном политическом уровне отношений между группами интересов. Данные процессы конституируют границы территориальных политических образований, каковыми являются и государства, и международно-политические регионы. Государства имеют более простую онтологию, нежели международно-политические регионы. Элементарной же частицей рассматриваемой теоретической конструкции выступают группы интересов. Хамейри операционализирует конститутивную взаимозависимость между группами интересов (микроуровень), государствами (мезоуровень) и регионами (макроуровень) с помощью марксистской теории государства¹⁹, приняв трансформацию государственности за независимую переменную, а регионализм — за зависимую переменную.

¹⁹ См. Poulantzas 1978.

Марксизм позволяет уйти от реификации государственности, указывая на динамический характер и принципиальную нестабильность отношений между государством и обществом. «Выбор между государством и обществом как независимыми переменными, — отмечает Боб Джессоп, — подразумевает их существование в качестве

самостоятельных, непроблематичных, внутренне целостных и взаимоисключающих феноменов, один из которых всегда определяет другой в одностороннем порядке. Подобный подход... абсолютизирует социальную границу между обществом и государством, которая на самом деле эмерджентна, частична, нестабильна и изменчива»²⁰. Конфликты, переговоры и коалиционное взаимодействие между группами интересов трансформируют эту границу. Тем самым государство оказывается структурой с подвижными границами.

С точки зрения марксистов, социальные процессы при капитализме (в том числе и коалиционная динамика групп интересов) стремятся к интернационализации, что неизбежно приводит к регионализации самого государства²¹. Последняя, таким образом, предстает в теории Хамейри не в качестве результата взаимодействия различных акторов, а в качестве процесса перемасштабирования функциональной границы государств, ее расширения до уровня региона.

**Разнообразие
форм
государственности
и регионального
управления**

²² Лебедева 2008.

²³ Байков 2012.

²⁴ Лебедева 2008.

²⁵ Хабермас 2003.

Предложенная Хамейри методология сравнительного регионоведения, основанная на конститутивной связи государственности с регионализацией, подразумевает разнообразие форм как государственности²², так и регионализма²³. Однако сам Хамейри об этом не пишет, и здесь мы дополняем его теорию, усиливая, как нам кажется, ее эвристический потенциал, поскольку в дополненном виде она открывает возможности для сравнительного исследования международно-политических регионов.

Ввиду того что государство является независимой переменной, а регионализм — зависимой, анализ разнообразия форм регионализма следует начать с рассмотрения классификаций государственности в мировой политике. Определенную популярность в академических кругах получила классификация государств по критерию их отношения к международной системе, укорененной в институтах модерна. В рамках такой классификации выделяются государства премодерна, модерна и постмодерна²⁴.

Содержание понятия «модерн» («современность») претерпело несколько трансформаций²⁵. Изначально это понятие употреблялось применительно к новому христианскому (монотеистическому) обществу в противовес языческим обществам античного мира. Затем оно использовалось для обозначения эпохи Возрождения и отделения ее от Средневековья. И лишь начиная с XVIII в. «модерн» приобретает философское и политическое измерение, важнейшей составляющей которого становится философия субъективности с ее теорией взаимодействия субъекта и объекта. Автономный субъект, суверенитет и свобода которого обеспечиваются потенциально безграничными возможностями человеческого разума, превращается в главного актора истории, который благодаря своему *ratio* (науке) неумолимо идет по пути прогресса, проявляющегося во все большей эмансипации индивида и общества, освобождении их от оков природы, власти и капитала.

Автономия и самостоятельная ценность государства — основа Вестфальской системы, автономия и самостоятельная ценность субъекта — основа модерна. Премодерн и довестфальский мир, соответственно, структурируются коллективистскими ценностями, укорененными в традиции. Постмодерн снимает оппозицию между рациональным индивидуализмом модерна и традиционным коллективизмом премодерна в качественно новых отношениях между индивидуальным и коллективным, частным и общественным, национальным и глобальным. Политическим выражением постмодерна является Европейский союз, в рамках которого государства, сохраняя свой суверенитет, суверенов и нации, становятся органичной частью транснационального сообщества государств и обществ, объединенных общим ценностным кодом.

Премодерн, модерн и постмодерн предполагают также различное соотношение ценностей и интересов. В сообществе премодерновых империй ценности важны, но они существуют в нем а priori, до начала международных взаимодействий. Как правило, эти ценности имеют религиозную, клановую, племенную форму. Легитимирующей основой императорской и королевской власти служила именно религия. Религия и традиция априорны по отношению к взаимодействию империй.

Сообщество государств модерна носит партикуляристский характер, ценности в нем смещены с общественного на индивидуальный уровень. В международной сфере взаимодействие между государствами модерна базируется на рациональном преследовании своих интересов.

В сообществе государств постмодерна ценности превращаются в интерессубъективную величину, выходят за пределы частной сферы отдельного государства и становятся предметом и результатом взаимодействия государств, утрачивая тем самым свой априорный статус. Во многом по этой причине религия и традиция уже не могут выступать в качестве ценностей такого сообщества.

В иерархии ценностей государств модерна ведущие позиции занимают национальный суверенитет, территориальность, национальная безопасность, национальная экономика и позитивное международное право. В современном мире государства модерна составляют большинство. Их классическими образцами могут служить страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай).

Для государств постмодерна указанные ценности важны, но не являются наивысшими. Поведение этих государств на мировой сцене во многом определяется их позитивной оценкой взаимозависимости, взаимного участия во внутренних делах друг друга, системы глобального управления. Политическое насилие в отношениях между государствами постмодерна невозможно. Их безопасность основана на взаимной уязвимости и открытости. Помимо стран — членов ЕС, к данной категории можно отнести также Канаду и Японию (хотя Япония находится в окружении государств модерна, что отчасти ограничивает ее постмодернистское поведение). США, существенно отстающие от Объединенной

Европы по уровню открытости (особенно в военно-политической сфере), принадлежат скорее к государствам модерна. Стремление к укреплению национального суверенитета присуще США не в меньшей степени, чем Китаю.

²⁶ Jackson 1993.

Сложнее определить позицию государств, у которых институты модерна либо еще не сформировались, либо были подорваны в результате неумелой или целенаправленной политики властей. Прежде всего это касается так называемых «несостоявшихся» государствах с «отрицательным суверенитетом»²⁶, которые существуют только «на бумаге» без реальной центральной власти. Но среди государств премодерна есть и функциональные политии. В частности, это теократии и государства с традиционным укладом, распространенные в Африке и Азии.

Следует оговориться, что реальные государства обычно сочетают в себе элементы и модерна, и премодерна, и постмодерна. Важно соотношение этих элементов. Государство может быть названо современным только в случае преобладания в нем элементов модерна. То же относится и к государствам премодерна и постмодерна.

Трем типам государств, согласно методологии Хамейри, должны соответствовать и три типа регионализма: регионализм премодерна, регионализм модерна и регионализм постмодерна.

Регионализм постмодерна

²⁷ Majone 1994,
1997; King 2003.

Понятие регулятивного государства, по сути, синонимично понятию государства постмодерна.

В основе регионализма постмодерна лежит регулятивное государство²⁷, отличительной чертой которого является перенесение многих функций государственного управления в деполитизированную сферу административного регулирования. Государство данного типа не просто активно привлекает к выполнению управленческих функций негосударственных акторов, но и деполитизирует государственные органы и ведомства, такие, например, как центральные банки. За счет расширения сети вспомогательных регулятивных акторов, не все из которых локализованы внутри государственных границ, подобное государство интернационализируется, выходит на наднациональный уровень и становится действительно регионализированным. Политической функцией государства остается метауправление — координация деятельности множества регуляторов, устранение актуальных и потенциальных конфликтов между ними.

²⁸ Bache, Flinders 2004.

Становление регулятивного государства обычно описывают через такие понятия, как «фрагментация» и «децентрализация», и связывают с развитием различных форм многоуровневого и сетевого управления²⁸.

²⁹ Moran 2003.

Классическим образцом регулятивного государства является Великобритания²⁹. В результате активной политики по развитию государственно-частных партнерств и деполитизации ряда государственных регуляторов строение самого государства стало похоже здесь на серию концентрических кругов, центром которых выступают государственные министерства, а каждый последующий круг символизирует увеличивающуюся степень автономии соответствующей структуры.

³⁰ *Hameiri 2011.*

Регионализация вследствие интернационализации регулятивных государств получила название регулятивной³⁰. Хамейри выделяет три механизма регионального управления в рамках регулятивного регионализма: метауправление, функциональная специализация и управление рисками.

³¹ *Ларионова 2007.*

Метауправление, о котором уже шла речь выше, предполагает координацию множества регуляторов на различных уровнях. В качестве примера можно привести открытый метод координации, принятый в ЕС и активно используемый, в частности, в образовательной сфере в рамках Болонского процесса³¹.

Функциональная специализация связана с разграничением технических и политических областей управления, а также с распределением юрисдикций между различными регуляторами одного государства и регуляторами нескольких государств. Регулятивный регионализм формируется путем регионализации сразу нескольких государств. Распределение между ними функциональных юрисдикций, как и проведение границ между политической и технической сферой, является политическим актом.

В теории международных отношений принято выделять два типа многоуровневого управления: управление универсальными юрисдикциями и управление специализированными юрисдикциями (см. *табл. 1*). Многоуровневое управление первого типа схоже с федерализмом, а второго — с регулятивным регионализмом.

Таблица 1 Характеристики двух типов многоуровневого управления

<i>Типы многоуровневого управления</i>	
Тип I: управление универсальными (general purpose) юрисдикциями	Тип II: управление специализированными (task-specific) юрисдикциями
Непересекающееся членство	Пересекающееся членство
Юрисдикции расположены на ограниченном числе уровней	Число уровней расположения юрисдикций не ограничено
Системная архитектура	Гибкий дизайн

Источник: Hooghe L., Marks G. 2003. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // *American Political Science Review*. Vol. 97. № 2. P. 236.

При первом типе многоуровневого управления функциональные сферы системно распределены на небольшом количестве уровней, между ними нет пересечений, и на каждом уровне и в каждой юрисдикции реализуется множество функций. Структура такого типа управления напоминает матрешку.

Многоуровневое управление второго типа осуществляется значительным числом акторов, чья деятельность направлена на решение конкретной задачи. При этом функционально деятельность акторов может

пересекаться, и они могут решать свою задачу сразу на нескольких уровнях управления. Многоуровневое управление данного типа возникает при решении транснациональных задач, например при управлении водными ресурсами рек (как в случае с программой совместного управления бассейном реки Меконг, осуществляемой Вьетнамом, Камбоджей, Лаосом и Таиландом). При реализации этого типа многоуровневого управления и необходим механизм функциональной специализации, так как именно в этом случае мы сталкиваемся с пересечением юрисдикций и множественным членством.

Управление рисками подразумевает создание региональных (глобальных) структур по управлению их восприятием. Исследователи международных отношений вслед за Ульрихом Беком³² и Энтони Гидденсом³³ обычно разделяют «угрозы» (*dangers, threats*) и «риски» (*risks*). Подходы к безопасности с точки зрения угроз и с точки зрения рисков значительно отличаются друг от друга. В рамках первого подхода (с точки зрения угроз) акцент делается на акторности и интенциональности конфликтующих сторон, в то время как в рамках второго (с точки зрения рисков) внимание уделяется прежде всего системным характеристикам (опасность массового заражения вирусными инфекциями, изменение климата и т.п.)³⁴.

Секьюритизация рисков базируется на спекуляциях относительно возможных катастрофических событий, вероятность которых не поддается точному вычислению, и предписывает стратегии, нацеленные не на устранение рисков, а на их кооптацию. Иными словами, обеспечение безопасности с точки зрения рисков означает формирование некоего представления о будущем с целью изменения настоящего³⁵. Соответственно, возникает необходимость контроля над рамками воображаемого, ибо именно они определяют действия, предпринимаемые государствами³⁶. Так, в докладе Комиссии 9/11 причиной неспособности американских спецслужб предотвратить трагедию 11 сентября 2001 г. была объявлена их неспособность ее предвидеть, в свою очередь обусловленная недостатком воображения (*failure of imagination*)³⁷.

Таким образом, управление восприятием рисков становится мощным инструментом политического управления, поскольку количество рисков постоянно нарастает. В качестве примера можно привести риск расширения числа несостоявшихся государств, с которыми часто ассоциируется чуть ли не все зло современности. Формой управления данным риском и является практика государственного строительства.

Регионализм премодерна

Регионализм премодерна — это традиционные империи. Сегодня таких политических образований практически нет, если, конечно, не считать попытки запрещенного в России «Исламского государства» возродить халифат на территории Сирии и Ирака. Однако нельзя исключить возвращения к подобным империям, особенно в случае победы в мировой политике исламского проекта³⁸. Акторами премодернового регионализма

³² Beck 1999.

³³ Giddens 1990.

³⁴ Aradau, Lobo-Guerrero, Munster 2008.

³⁵ Rose 2001: 7.

³⁶ Goede 2008.

³⁷ Final Report 2004.

³⁸ Phillips 2011.

могут стать функциональные традиционалистские политики. Несостоявшиеся государства на эту роль претендовать не могут, так как они не существуют в функциональном смысле.

Основанием премодернового регионализма выступает универсализм, источник легитимации которого трансцендентен, то есть опрокинут в традицию, религию, этнос, расу. Одной из характеристик империи как раз и является «присутствие в механизмах легитимации и в политической практике универсалистских ориентаций, вплоть до претензии на вселенский смысл собственного бытия и утверждение „космического суверенитета“, когда абсолютный сакральный смысл, эманации которого распространяются на весь обозримый круг земель, превращает политическую структуру в механизм коллективной сотериологии, переводя и индивидуальное, и групповое существование в онтологически высший порядок бытия»³⁹.

³⁹ Каспэ 2007: 51.

Следует различать универсализм премодерна и универсализм (солидарность) постмодерна. Ценностный универсализм традиционных обществ трансцендентен, существует до взаимодействия между акторами и не трансформируется в результате этого взаимодействия. Регионализм постмодерна тоже предполагает ценностную солидарность, однако эта солидарность возникает в ходе взаимодействия акторов и является его продуктом, трансформируясь вместе с ним. Поэтому говорить о возвращении Средневековья⁴⁰ можно лишь с большой долей условности.

⁴⁰ Мирский 2006.

Существует множество определений империй. Например, Майкл Дойл считает главным показателем империи структуру властных отношений, «формальных или неформальных, при которых одно государство контролирует эффективный политический суверенитет другой политики»⁴¹. Такие отношения могут строиться на силе, политическом сотрудничестве, экономической, социальной или культурной зависимости. Святослав Каспэ предлагает структурное понимание империи, определяя ее через отношение центра и периферии, когда центр «есть что-то единичное и при этом, во-первых, окруженное множественностью, во-вторых, производящее ее... Центр появляется в результате воздействия некоей внешней по отношению к плоскости силы, которая помечает своим присутствием единственную точку... и следующим ходом очерчивает ту совокупность, что будет отныне выступать в качестве порожденной центром и неразрывно с ним связанной периферии»⁴². Вслед за Эдвардом Шилзом Каспэ описывает внешнюю силу, устанавливающую центр, в терминах «центральной ценностной системы», а институциональный канал ее ретрансляции — в терминах «центральной институциональной системы»⁴³. Эволюция политий, таким образом, может быть представлена как история изменений структуры отношений между центральной ценностной и центральной институциональной системами.

⁴¹ Doyle 1986: 45.

⁴² Каспэ 2007: 24.

⁴³ Там же: 30–39.

Для классической империи характерно трансцендирование центральной ценностной системы (миф, религия, обычай) и единство центральной институциональной системы (Рим).

Чем мощнее центр, тем больше и сильнее империя. При этом, согласно Каспэ, мощь имперского центра носит качественный, а не количественный характер: «В имперском центре импульсы сакрального веления и политического устройства не просто тем или иным способом связываются, но сплавляются до степени неразличимости (точнее, они лишь аналитически обнаруживаются в едином социальном праксисе)»⁴⁴.

⁴⁴ Там же: 53.

Возникновение империй в их классической форме маловероятно на Западе, так как его центральная ценностная система уже давно перешла из сакрального пространства в историческое время. Фридрих Ницше провозгласил смерть христианского Бога, и сегодня Запад учится жить уже после христианства — в том смысле, что произошла историзация Благой вести о спасении⁴⁵. Была утрачена, по мнению Ханны Арендт, и связь Запада с Римом как основополагающим западным политическим мифом, что привело к кризису авторитета в мировой политике⁴⁶. В итоге Запад освободился — или лишился (кому как нравится) — и от религии (разумного Абсолюта), и от мифа (прошлого), оставив себе только историческое время настоящего и конструируемое время будущего.

⁴⁵ *Bammimo 2007.*

⁴⁶ *Arendt 1961.*

Имперский потенциал очевиден в исламском мире. Мусульмане, в отличие от христиан, поддерживают сакральность своей центральной ценностной системы, тем самым порождая различные фундаменталистские движения, которые в условиях экспансии западных социально-политических институтов приобретают радикальные формы.

Регионализм модерна

Регионализм модерна основан на политическом партикуляризме. Государства модерна не готовы к регионализации, к проблематизации своих национальных границ за счет делегирования регулятивных функций негосударственным акторам. Регионализм модерна есть результат взаимодействия государств модерна, функциональные границы которых остаются неизменными. Стратегии регионального управления таких государств могут быть различными — от имперских до лидерских⁴⁷. Но всем им присущ упор на свои интересы, априорные по отношению к интересам государств-партнеров (как, впрочем, и государств-конкурентов). Интересы государств модерна могут совпадать или сталкиваться, но они не создают основы для формирования сообщества в форме общины (*Gemeinschaft, community, communauté*).

⁴⁷ *Destradi 2010.*

В английской школе международных отношений уже давно идет активная дискуссия между плюралистами и солидаристами по поводу общины (*Gemeinschaft*) и общества (*Gesellschaft*) в мировой политике⁴⁸. Плюралисты (Хедли Булл⁴⁹ и др.) ведут речь о международном обществе, состоящем из государств и представляющем собой слабо интегрированное образование, единство которого зиждется на международном праве и дипломатических правилах и обычаях. При этом большинство из них следует реалистской парадигме, в рамках которой международное общество приобретает черты международной системы, то есть

⁴⁸ *Buzan 2004: 45–62.*

⁴⁹ *Bull 1977.*

⁵⁰ *Wheeler, Dunne 1998.*

общества с минимальным числом институтов. Солидаристы (Никлас Вилер, Тим Дюн⁵⁰ и др.), напротив, исходят из кантианского взгляда на политическое устройство мира и верят в наличие в нем естественного космополитизма, который может и должен быть актуализирован посредством государственной дипломатии и усилий негосударственных акторов. Плюралистов и солидаристов разделяет также понимание международного права, которое формирует международное общество. Если плюралисты являются сторонниками позитивного права, то солидаристы делают упор на право естественное, рассматривая его как основу космополитического универсализма.

В системе координат «плюрализм—солидаризм» регионализм государств модерна тяготеет к плюралистическому, реалистскому полюсу, а региональное управление государств постмодерна — к солидаристскому, либерально-идеалистическому. В основе регионализма модерна лежат государственные интересы, в основе регионализма премодерна — примордиальные ценности, а регионализм постмодерна развивается на базе ценностей, совместно конструируемых в ходе реализации общего проекта.

⁵¹ *Grugel 2004.*

Указанное различие отчетливо видно при сравнительном анализе стратегий регионального управления США и ЕС в Латинской Америке⁵¹. Соединенные Штаты предложили Латинской Америке модель так называемой «глубокой интеграции», нацеленную на полную либерализацию торговых отношений, но при этом институционально ограниченную форматом зон свободной торговли (ЗСТ). Воплотив данную модель в рамках Североамериканской зоны свободной торговли и втянув Мексику, вторую экономику Латинской Америки, в свое интеграционное объединение, США планировали распространить его на весь континент, однако потерпели неудачу, не сумев преодолеть разногласия с Бразилией⁵².

⁵² *Интеграционные процессы 2012.*

Стратегия регионального управления США в Латинской Америке базируется исключительно на экономических интересах с опорой на идеологию неолиберализма. Определение этой стратегии как «глубокой интеграции» искажает ее сущность. На самом деле речь идет лишь о создании ЗСТ без какого-либо дальнейшего углубления интеграции. При этом структура ЗСТ должна быть такой, чтобы США оставались единственным региональным хабом.

⁵³ *Grugel 2004: 612.*

Что касается Европейского союза, то его стратегия в Латинской Америке не исчерпывается экономикой и включает в себя социальные цели и цели развития. С помощью дипломатии, общественных связей, встреч на высшем уровне и взаимодействия экспертов ЕС последовательно продвигает там практики «хорошего управления» (*good governance*) и социальную ответственность как со стороны государства, так и со стороны бизнеса, тем самым пытаясь передать свои лучшие наработки в сфере управления⁵³. По мнению Жана Гругеля, в проводимой в регионе политике ЕС опирается на принципы либеральной демократии, развивая наднациональные политические институты как

54 *Ibid.*: 616. медиаторы рыночных отношений, дабы обеспечить максимальную инклюзивность регионального управления⁵⁴.

В итоге США не удалось реализовать проект Всеамериканской зоны свободной торговли, тогда как ЕС довольно успешно осуществляет свою интеграционную стратегию в Латинской Америке, преимущественно по линии МЕРКОСУР. Впрочем, неудача США не означает изначальной ущербности неолиберальной стратегии регионального управления. Случай Латинской Америки лишь демонстрирует разницу между подходами к региональному управлению государств модерна и постмодерна.

* * *

Представленная выше модель сравнительного регионализма базируется на параметрах микрорегиональной динамики, а именно на специфике регионализации государств различного типа. Вместе с тем использование предложенной Никосом Пуланзасом и Бобом Джессоном трактовки государства как отношения между социальными классами и группами интересов позволило объединить в ней микро-, мезо- и макроуровни анализа. Государства премодерна, модерна и постмодерна формируются благодаря эволюции социальных отношений на микроуровне, и их регионализация приводит к формированию системы регионального управления соответствующего типа. Подобная модель обладает большей эвристической силой, чем теория «нового регионализма», поскольку, в отличие от нее, объясняет как неевропейские, так и европейские версии регионализма.

Библиография

Байков А.А. 2007. «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // *Международные процессы*. Т. 5. № 3 (15).

Байков А.А. 2010. Библиография сравнительной интеграции в 2000-х годах // *Международные процессы*. Т. 8. № 22.

Байков А.А. 2012. *Сравнительная интеграция: Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*. — М.

Ваттимо Дж. 2007. *После христианства*. — М.

Воскресенский А.Д. Стрельцов Д.В. 2010. Проблема пространственной (спатальной) подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения и политической компаративистики // *Сравнительная политика*. № 2.

Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. 2012. — М.

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М.

Концепция внешней политики Российской Федерации. 2013 (http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186).

Ларионова М.В. 2007. Открытый метод координации как рабочий метод управления интеграционными процессами в образовании // *Вестник международных организаций*. № 2.

Лебедева М.М. 2008. Такие разные государства // Лебедева М.М. (ред.) «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. — М.

Мирский Г.А. 2006. Возврат в Средневековье? // *Россия в глобальной политике*. № 5 (http://www.globalaffairs.ru/number/n_7412).

Песцов С.К. 2006. Современный регионализм: проблемы теоретического осмысления // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. № 1.

Торкунов А.В., Мальгин А.В. (ред.) 2012. *Современные международные отношения*. — М.

Хабермас Ю. 2003. *Философский дискурс о модерне*. — М.

Цыренов О.Ч. 2012. Регионализация и регионализм: понятие и классификация // *Вестник Забайкальского государственного университета*. № 9.

Agnew J. 2013. Arguing with Regions // *Regional Studies*. Vol. 47. № 1.

Aradau С., Lobo-Guerrero L., Munster R. van. 2008. Security, Technologies of Risk, and the Political // *Security Dialogue*. Vol. 39. № 2—3.

Arendt H. 1961. *Between Past and Future: Six Exercises in Political Thought*. — N.Y.

Bache I., Flinders M. 2004. *Multi-Level Governance*. — Oxford.

Beck U. 1999. *World Risk Society: Towards a New Modernity*. — Cambridge.

Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. — L.

Buzan B. 2004. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization*. — Cambridge.

Cantori L., Spiegel S. 1970. *The International Politics of Regions: A Comparative Approach*. — Englewood Cliffs.

Destradi S. 2010. Regional Powers and Their Strategies: Empire, Hegemony, and Leadership // *Review of International Studies*. Vol. 36. № 4.

Doyle M. 1986. *Empires*. — Ithaca.

Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States. 2004. — Washington.

Giddens A. 1990. *Consequences of Modernity*. — Cambridge.

Glassman J. 1999. State Power Beyond the «Territorial Trap»: The Internationalization of the State // *Political Geography*. Vol. 18. № 6.

Goede M. de. 2008. Beyond Risk: Premeditation and the Post-9/11 Security Imagination // *Security Dialogue*. Vol. 39. № 2—3.

Grugel J. 2004. New Regionalism and Modes of Governance — Comparing US and EU Strategies in Latin America // *European Journal of International Relations*. Vol. 10. № 4.

Haas R. 2008. The Age of Nonpolarity // *Foreign Affairs*. May/June (<http://acme.highpoint.edu/~msetzler/IR/IRreadingsbank/EmpireOverNonpolarHauss.FA08.x.pdf>).

Hameiri Sh. 2013. Theorising Regions through Changes in Statehood: Rethinking the Theory and Method of Comparative Regionalism // *Review of International Studies*. Vol. 39. № 2.

Hameiri Sh., Jayasuriya K. 2011. Regulatory Regionalism and the Dynamics of Territorial Politics: The Case of the Asia-Pacific Region // *Political Studies*. Vol. 59. № 1.

Hettne B. 2005. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*. 2005. Vol. 10. № 4.

Hettne B., Söderbaum F. 2002. Theorising the Rise of Regionness // Breslin Sh., Hughes C.W., Phillips N., Rosamond B. (eds.) *New Regionalisms in the Global Political Economy*. — L.

Hooghe L., Marks G. 2003. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // *American Political Science Review*. Vol. 97. № 2.

Hurrell A. 1995. Regionalism in Theoretical Perspective // Fawcett L., Hurrell A. (eds.) *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. — Oxford.

Jackson R. 1993. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. — Cambridge.

Jessop B. 1990. *State Theory: Putting the Capitalist State in Its Place*. — Cambridge.

Katzenstein P. 2005. *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. — Cornell.

King R. 2007. *The Regulatory State in an Age of Governance: Soft Words and Big Sticks*. — Basingstoke, N.Y.

Majone J. 1994. The Rise of the Regulatory State in Europe // *West European Politics*. Vol. 17. № 3.

Majone J. 1997. From the Positive to the Regulatory State: Causes and Consequences of Changes in the Mode of Governance // *Journal of Public Policy*. Vol. 17. № 2.

Moran M. 2003. *The British Regulatory State: High Modernism and Hyper-Innovation*. — Oxford.

Nye J. 1968. *International Regionalism: Readings*. — Boston.

Nye J. 2011. *The Future of Power*. — N.Y.

Phillips A. 2011. *War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders*. — Cambridge.

Poulantzas N. 1978. *State, Power and Socialism*. — L.

Rose N. 2001. The Politics of Life Itself // *Theory, Culture and Society*. Vol. 28. № 6.

Russett B. 1969. International Regimes and the Study of Regions // *International Studies Quarterly*. Vol. 13. № 4.

Thompson W. 1973. The Regional Subsystem: A Conceptual Explanation and a Propositional Inventory // *International Studies Quarterly*. Vol. 17. № 1.

Varr K., Lagendijk A. 2013. Conceptualizing the Region — in What Sense Relational? // *Regional Studies*. Vol. 47. № 1.

Wheeler N., Dunne T. 1998. Hedley Bull and the Idea of a Universal Moral Community: Fictional, Primordial or Imagined? // Roberson B.A. (ed.) *International Society and the Development of International Relations Theory*. — L.

Young O. 1968. Political Discontinuities in the International System // *World Politics*. Vol. 20. № 3.

References

Agnew J. 2013. Arguing with Regions // *Regional Studies*. Vol. 47. № 1.

Aradau C., Lobo-Guerrero L., Munster R. van. 2008. Security, Technologies of Risk, and the Political // *Security Dialogue*. Vol. 39. № 2—3.

Arendt H. 1961. *Between Past and Future: Six Exercises in Political Thought*. — N.Y.

Bache I., Flinders M. 2004. *Multi-Level Governance*. — Oxford.

Baikov A.A. 2007. «Integracionnye marshruty» Zapadno-Central'noj Evropy i Vostochnoj Azii // *Mezhdunarodnye processy*. T. 5. № 3 (15).

Baikov A.A. 2010. Bibliografija sravnitel'noj integracii v 2000-h godah // *Mezhdunarodnye processy*. T. 8. № 22.

Baikov A.A. 2012. *Sravnitel'naja integracija: Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Tihoookeanskoj Azii*. — M.

Beck U. 1999. *World Risk Society: Towards a New Modernity*. — Cambridge.

Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. — L.

Buzan B. 2004. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization*. — Cambridge.

Cantori L., Spiegel S. 1970. *The International Politics of Regions: A Comparative Approach*. — Englewood Cliffs.

Cyrenov O.Ch. 2012. Regionalizacija i regionalizm: ponjatje i klassifikacija // *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. № 9.

Destradi S. 2010. Regional Powers and Their Strategies: Empire, Hegemony, and Leadership // *Review of International Studies*. Vol. 36. № 4.

Doyle M. 1986. *Empires*. — Ithaca.

Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States. 2004. — Washington.

Giddens A. 1990. *Consequences of Modernity*. — Cambridge.

Glassman J. 1999. State Power Beyond the «Territorial Trap»: The Internationalization of the State // *Political Geography*. Vol. 18. № 6.

Goede M. de. 2008. Beyond Risk: Premediation and the Post-9/11 Security Imagination // *Security Dialogue*. Vol. 39. № 2—3.

Grugel J. 2004. New Regionalism and Modes of Governance — Comparing US and EU Strategies in Latin America // *European Journal of International Relations*. Vol. 10. № 4.

Haas R. 2008. The Age of Nonpolarity // *Foreign Affairs*. May/June (<http://acme.highpoint.edu/~msetzler/IR/IRreadingsbank/EmpireOverNonpolarHauss.FA08.x.pdf>).

Habermas J. 2003. *Filosofskij diskurs o moderne*. — M.

Hameiri Sh. 2013. Theorising Regions through Changes in Statehood: Rethinking the Theory and Method of Comparative Regionalism // *Review of International Studies*. Vol. 39. № 2.

Hameiri Sh., Jayasuriya K. 2011. Regulatory Regionalism and the Dynamics of Territorial Politics: The Case of the Asia-Pacific Region // *Political Studies*. Vol. 59. № 1.

Hettne B. 2005. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*. 2005. Vol. 10. № 4.

Hettne B., Söderbaum F. 2002. Theorising the Rise of Regionness // Breslin Sh., Hughes C.W., Phillips N., Rosamond B. (eds.) *New Regionalisms in the Global Political Economy*. — L.

Hooghe L., Marks G. 2003. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // *American Political Science Review*. Vol. 97. № 2.

Hurrell A. 1995. Regionalism in Theoretical Perspective // Fawcett L., Hurrell A. (eds.) *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. — Oxford.

Integracionnye processy v Latinskoj Amerike: sostojanie i perspektivy. 2012. — M.

Jackson R. 1993. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. — Cambridge.

Jessop B. 1990. *State Theory: Putting the Capitalist State in Its Place*. — Cambridge.

Kaspe S.I. 2007. *Centry i ierarhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma*. — M.

Katzenstein P. 2005. *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. — Cornell.

King R. 2007. *The Regulatory State in an Age of Governance: Soft Words and Big Sticks*. — Basingstoke, N.Y.

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. 2013 (http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186).

Larionova M.V. 2007. Otkrytyj metod koordinacii kak rabochij metod upravlenija integracionnymi processami v obrazovanii // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. № 2.

Lebedeva M.M. 2008. Takie raznye gosudarstva // Lebedeva M.M. (ed.) *«Privatizacija» mirovoj politiki: lokal'nye dejstviya — global'nye rezul'taty*. — M.

Majone J. 1994. The Rise of the Regulatory State in Europe // *West European Politics*. Vol. 17. № 3.

Majone J. 1997. From the Positive to the Regulatory State: Causes and Consequences of Changes in the Mode of Governance // *Journal of Public Policy*. Vol. 17. № 2.

- Mirsky G.A.** 2006. Vozvrat v Srednevekov'e? // *Rossija v global'noj politike*. № 5 (http://www.globalaffairs.ru/number/n_7412).
- Moran M.** 2003. *The British Regulatory State: High Modernism and Hyper-Innovation*. — Oxford.
- Nye J.** 1968. *International Regionalism: Readings*. — Boston.
- Nye J.** 2011. *The Future of Power*. — N.Y.
- Peskov S.K.** 2006. Sovremennyy regionalizm: problemy teoreticheskogo osmyslenija // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filozofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija*. № 1.
- Phillips A.** 2011. *War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders*. — Cambridge.
- Poulantzas N.** 1978. *State, Power and Socialism*. — L.
- Rose N.** 2001. The Politics of Life Itself // *Theory, Culture and Society*. Vol. 28. № 6.
- Russett B.** 1969. International Regimes and the Study of Regions // *International Studies Quarterly*. Vol. 13. № 4.
- Thompson W.** 1973. The Regional Subsystem: A Conceptual Explication and a Propositional Inventory // *International Studies Quarterly*. Vol. 17. № 1.
- Torkunov A.V., Mal'gin A.V.** (eds.) 2012. *Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija*. — M.
- Varr K., Lagendijk A.** 2013. Conceptualizing the Region — in What Sense Relational? // *Regional Studies*. Vol. 47. № 1.
- Vattimo G.** 2007. *Posle hristianstva*. — M.
- Voskresensky A.D., Streltsov D.V.** 2010. Problema prostranstvennoj (spatial'noj) podachi materiala v ramkah mirovogo kompleksnogo regionovedenija i politicheskoj komparativistiki // *Sravnitel'naja politika*. № 2.
- Wheeler N., Dunne T.** 1998. Hedley Bull and the Idea of a Universal Moral Community: Fictional, Primordial or Imagined? // Roberson B.A. (ed.) *International Society and the Development of International Relations Theory*. — L.
- Young O.** 1968. Political Discontinuities in the International System // *World Politics*. Vol. 20. № 3.